

С.В. Карпенко

**ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
ПРОТИВ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ:
ВОЙНА, ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА
(начало 1919 – конец 1922 гг.)**

Четвертый период Гражданской войны и Белого движения (март 1919 – март 1920 гг.) отличался наибольшим размахом вооруженной борьбы и коренными изменениями в расстановке сил внутри России и за ее пределами, которые предопределили сначала успехи белых армий, упрочение белогвардейской государственности, а затем поражение армий, распад и гибель самых крупных белых государственных образований.

Введение продразверстки проходило с большими трудностями. Местным органам Наркомпрода приходилось прибегать к принуждению при учете и сборе хлеба по продразверстке, когда у крестьян без оплаты или за обесценившиеся деньги отбирались не только «излишки», которые могли быть проданы, а еще и часть зерна, необходимого крестьянам для собственного пропитания и посева. Иногда в обмен на хлеб органы Наркомпрода давали крестьянам некоторое количество остро необходимых им промтоваров (сельхозорудия, ткани, обувь, керосин, спички и т.д., ибо крестьяне нуждались буквально во всем), однако из-за скудости государственных запасов обмен на промтовары был редкостью.

Большевистская пропаганда убеждала крестьян в том, что их обязанность – дать хлеб в долг пролетарскому государству, которое защищает их от возвращения помещиков, а после победы над белыми

восстановит промышленность и вернет им долг промтоварами. Но эта пропаганда действовала на крестьян слабо: в начале 1919 г., когда на фронтах установилось относительное затишье и крестьяне центральных районов России не ощущали непосредственной угрозы возвращения помещиков, введение продразверстки повсеместно вызывало недовольство.

Между тем после раздела и последующего перераспределения помещичьей земли комбедами многие бедняки увеличили свои наделы и перешли в категорию середняков, в результате чего доля середняков в деревне выросла до 60 %. Исходя из этого и преследуя цель смягчить негативное отношение крестьян к продразверстке и закрепить начавшийся поворот части середняков на свою сторону, в марте 1919 г. большевики на VIII съезде партии провозгласили курс на «союз с середняком». Однако на деле широко были распространены принудительные меры по изъятию хлеба и фуража, особенно в прифронтной полосе. В ряде районов, где преобладало зажиточное и наиболее антибольшевистски настроенное население (например, в казачьих областях), проводились массовые репрессии. В ходе «расказачивания» на Дону весной 1919 г. местными властями по указанию из Москвы были расстреляны многие бывшие бойцы Донской армии, запрещалось носить казачью форму и даже произносить слово «казак».

Поэтому на почве продразверстки, реквизиций и произвола властей часто происходили вспышки массового недовольства и восстания. Крестьяне никак не хотели мириться с изъятием у них «излишков» хлеба без всякой оплаты и запретом продавать его на рынке по «вольной» цене, считая продразверстку «бессовестной грабилькой». Стремясь избежать сдачи «излишков» по

продразверстке, крестьяне стали сокращать запашку, чтобы производить зерно только для питания своей семьи и прокорма скота, а также на семена. Сокращение запашки грозило в будущем голодом.

Продразверстка и запрет свободной торговли стали главной причиной роста ненависти крестьян к «коммунистам», которых крестьяне в своем сознании стали противопоставлять «большевикам», давшим землю в 1917 г. Формальным основанием для такого заблуждения стало переименование партии на VII съезде в марте 1918 г. из РСДРП(б) в Российскую коммунистическую партию (большевиков) – РКП(б).

Наиболее сильными антикоммунистические настроения были среди донских казаков. В апреле поголовно восстало казачье население Верхнего Дона (в боях с красными принимали участие даже женщины и дети)¹, что позволило ВСЮР, придя на помощь восставшим, быстро занять этот район и создать плацдарм для наступления на Москву. В августе вышел из подчинения Реввоенсовету Южного фронта командир Донского конного корпуса Ф.К. Миронов, популярный среди казаков, вступивших в Красную армию, благодаря своим выступлениям как против власти «старорежимных» атаманов, так и против диктатуры большевиков и «расказачивания». Большевики обвинили Миронова в «содействии Деникину». Он был арестован, предан суду реввоен трибунала, приговорен к расстрелу, но затем помилован.

Обострение вооруженной борьбы в условиях углубляющегося экономического кризиса заставляло правительство Ленина принимать военно-хозяйственные меры, направленные на дальнейший подрыв частной собственности, обуздание стихии свободного рынка и использование скудных ресурсов прежде всего для снабжения Красной армии. Принятие этих мер

подстегивалось и убеждениями большевиков, считавших частную собственность главной причиной бедности, безработицы и прочих социальных бед, а свободу торговли – основой капиталистического хозяйства.

С лета 1919 г. резко возросли темпы национализации в промышленности: в собственность государства и его централизованное управление перешли все крупные и средние предприятия, а также часть мелких. Ресурсы и мощности нескольких предприятий объединялись таким образом, чтобы на одном наладить выпуск необходимой для армии продукции.

В ноябре была введена картофельная разверстка и усилены повинности, ложившиеся основной тяжестью на сельское население: гужевая (перевозка людей или грузов на своих телегах или санях), дровяная (заготовка дров) и другие. Наркомпрод стремился к охвату продразверсткой всех без исключения продуктов сельского хозяйства и активно формировал собственную вооруженную силу – Продовольственную армию (Продармию), отряды которой забирали у крестьян, не сдавших добровольно зерно по продразверстке, не только «излишки», но и часть зерна, необходимого для пропитания и засева.

Самыми острыми проблемами были стремительная инфляция и распад денежной системы, главные причины которых состояли в падении промышленного производства и выпуске огромного количества бумажных денежных знаков. Инфляция, в свою очередь, породила невиданную спекуляцию, которая стала главным средством выживания большинства горожан: они ездили в деревни, где выменивали остатки своего имущества (одежду, обувь и т.д.) у крестьян, остро нуждающихся в промтоварах, на продукты. Поскольку главной тарой в таких массовых и мелких обменных операциях стали мешки, то такого рода

спекулянтов стали называть мешочниками, а спекуляцию – мешочничеством.

Единственный способ предотвратить остановку полуразрушенных кризисом военных предприятий и железных дорог, продолжать хотя бы на минимальном уровне заготовку топлива и продовольствия, спасти городское население от голода, холода и обнищания большевики видели в натурализации хозяйственных связей и заработной платы. Натуральный паек (прежде всего в виде хлеба) к концу 1919 г. достиг 80 % зарплаты и позволил поддерживать полуголодное существование рабочих и снабжать армию в условиях стремительного роста цен, бестоварья и массовой спекуляции. При натурализации зарплаты естественно распространилась уравнительность распределения, поскольку речь шла не о поощрении эффективного труда, а об удовлетворении примерно одинаковых для всех минимальных потребностей. Стремясь свести к минимуму выпуск бумажных денег и «запереть» товарно-денежное обращение, правительство Ленина отменило плату обесцененными деньгами за общественный транспорт и коммунальные услуги.

В течение 1919 г. продрозверстка, национализация, свертывание товарно-денежного обращения и другие военно-хозяйственные меры, во многом учитывавшие опыт государственного регулирования экономики, накопленный европейскими странами, особенно Германией, за годы мировой войны, суммировались в политику, получившую по ряду внешних «коммунистических» признаков (уравнительная натуральная оплата труда, отсутствие торговли и денег) название «военный коммунизм». Переход к такой политике не только вынуждался войной и кризисом, но и подталкивался марксистскими идеями большевиков, отрицавшими частную собственность и рыночные

отношения как основу капитализма и первопричину эксплуатации и угнетения.

* * *

Разительное отличие от территории «Совдепии» представлял собой тыл «Колчакии» и «Деникии» («Совдепией» белые называли территорию, подвластную большевистским Советам; «Колчакией» и «Деникией» большевистская пропаганда именовала территории, находившиеся под властью А.В. Колчака и А.И. Деникина).

Главным направлением внутренней политики правительств Колчака и Деникина стало восстановление частной собственности и свободы торговли, что, на первый взгляд, отвечало интересам как крупных собственников, так и средних слоев города и деревни, прежде всего крестьян. Однако на деле эта политика не только не приостановила кризис в экономике, но ускорила ее полный развал.

Для оплаты расходов на содержание и снабжение армии, финансирования транспорта, военного производства и добычи топлива белые правительства без всяких ограничений печатали и выпускали в обращение десятки миллиардов бумажных рублей. С другой стороны, на их территории обращались рубли, выпущенные императорским, Временным и советским правительствами, а также иностранная валюта.

Например, чрезвычайно пестрым оказался денежный оборот на территории ВСЮР. В сентябре 1919 г. правительство Деникина стало печатать и выпускать в обращение собственные денежные знаки, сразу прозванные «колокольчиками» (на билетах достоинством в 100 руб. был изображен Царь-колокол). Кроме них обращались донские бумажные рубли (самыми ходовыми

из которых были банкноты достоинством в 100 руб., прозванные «ермаками» из-за помещенного на них портрета Ермака), рубли, выпущенные императорским («романовские» или «николаевские») и Временным («думские» и «керенские») правительствами, карбованцы и гривны, выпущенные украинскими властями, и крымские рубли. Существенную долю оборота составляли деньги, выпущенные органами Советской власти: во-первых, советские рубли 1918 и 1919 гг. выпуска, во-вторых, дензнаки, выпущенные правительствами советских республик, существовавших на Северном Кавказе. Наконец, в свободном обращении находилась завезенная немцами, французами, англичанами и американцами иностранная валюта.

Неограниченная эмиссия в сочетании с чрезвычайной пестротой денежного обращения при постоянном сокращении объемов промышленного и сельскохозяйственного производства вела к падению курса рубля относительно мировых валют и росту цен на внутреннем рынке (инфляции). Например, с мая по октябрь 1919 г., когда ВСЮР наступали на Москву, инфляция составила 114 % (среднемесячная – 19 %). С ноября 1919 г. по январь 1920 г., когда ВСЮР отступали из-под Орла к границам Кубани, инфляция составила 321 % (среднемесячная – 107 %). Наконец, за февраль, когда части Красной армии наступали на Екатеринодар, инфляция составила 89 %. То есть покупательная сила рубля за период с августа 1918 по февраль 1920 гг. упала в 69 раз и рубль стал равняться 0,12 копейки довоенного 1913 г. Соответственно росли цены.

Полное расстройство денежного обращения и неэффективность правительственных мер по его регулированию в равной степени были характерны как для «Деникии», так и для «Колчакии»².

Крупная и средняя буржуазия практически ничего не сделала для восстановления производства, поскольку это не сулило «нормальной» прибыли, а направила свои капиталы в спекулятивные махинации в сфере торговли, наживая баснословные барыши на вывозе за границу сырья (зерна, шерсти и т.д.) и поставках армии продовольствия, обмундирования и т.д. Торговцы наводнили сельскую местность, скупая зерно для экспорта и продавая промтовары по ценам, по которым их могла купить только зажиточная верхушка деревни. Крестьяне не хотели продавать свою продукцию за обесценившиеся бумажные рубли и не везли ее на городские рынки, предпочитая обменивать на необходимые им промтовары.

В условиях обесценения рубля, стремительного роста дороговизны и острой нехватки продовольствия и промтоваров (тканей, одежды, обуви, керосина, спичек, мыла, соли, сахара и т.д.) вся внутренняя торговля приобрела характер массовой спекуляции, когда торговцы придерживали товары на складах и не пускали их в продажу в расчете на дальнейший рост цен. В итоге спекуляция еще сильнее подстегивала рост цен, что обрекало на жизнь впроголодь и обнищание широкие средние слои городского населения, включая офицерство, чиновничество и интеллигенцию, а также беженцев из центральных губерний страны. Так было и в «Деникии», и в «Колчаки»; трагическими и паническими описаниями «экономической катастрофы» были полны газеты и Белого Юга, и Белого Востока³.

Своекорыстная политика буржуазии, стремившейся восполнить свои материальные потери, понесенные от большевистских экспроприаций, и смотревшей на армию прежде всего как на сферу выгодного приложения капитала, привела к срыву снабжения армии. В результате войсковые части

вынуждены были обеспечивать себя путем грабежа и насильственных реквизиций продовольствия, фуража, одежды и т.д. у крестьян и горожан, что цинично именовалось «самоснабжением» и получением «от благодарного населения».

* * *

Одним из острейших, практически не решаемых вопросов стал для государственности Белого движения аграрно-крестьянский вопрос.

На территорию, занятую ВСЮР, возвращались помещики. Пока в правительстве готовились и обсуждались проекты земельной реформы, суть которых сводилась к передаче крестьянам за выкуп минимальной части помещичьей земли лишь после окончания войны, местные военные и гражданские власти помогали вернувшимся в свои имения помещикам и их управляющим расправляться с крестьянами и выколачивать «недоимки» (долги по арендной плате) за 1917 – 1918 гг. Помещичья жажда немедленной мести крестьянам и компенсации материальных потерь дополнялась разорительной для крестьян продовольственной политикой правительства Деникина⁴. Все это свело на нет попытку Деникина и его правительства привлечь на свою сторону крестьян Украины, южных и центральных районов России туманными обещаниями «утолить земельный голод».

В Сибири, где не было помещичьего землевладения, главными причинами роста недовольства крестьян против белых стали насильственные мобилизации людей и реквизиции хлеба, скота, лошадей, повозок и прочего имущества.

В целом аграрно-крестьянская политика правительств Колчака и Деникина не помогла им

подвести под белогвардейскую государственность на востоке и юге России прочный фундамент массовой крестьянской поддержки⁵.

Все попытки сопротивления мобилизациям и реквизициям воспринимались белыми как «большевизм» и беспощадно подавлялись расстрелами, виселицами и массовыми порками шомполами и плетьюми, что вызывало озлобление крестьян и заставляло их братья за оружие (оружия, принесенного фронтовиками при демобилизации старой армии, в деревне было припрятано немало).

Свобода торговли, обернувшаяся для крестьян грабежом со стороны торговцев, восстановление помещичьего землевладения, насильственные мобилизации и реквизиции, белый террор – все это вызвало резко отрицательную реакцию крестьянства и части казачества. Надежды избавиться с приходом белых от продрозверстки и террора большевистских властей быстро сменялись озлобленностью к белым и решимостью силой отстаивать свои права на землю и выращенный хлеб. Так, в сознании крестьян юга России и Украины слова «Добармия», «Деникин» и «деникинцы» стали прочно ассоциироваться с грабежом и насилием, вызывая жгучую ненависть.

* * *

Другой крайне серьезной проблемой, не просто управленческой, а политической и экономической, было объединение всей белой территории.

Насколько сложна была эта проблема, показывают попытки Деникина объединить территории, контролируемые ВСЮР, в «единое экономическое пространство»: провести централизацию управления всеми финансовыми ресурсами и хозяйственными

средствами «добровольческой» территории, Донской, Кубанской и Терской казачьих областей.

30 мая (12 июня) Деникин приказом № 145 признал верховную власть Колчака и подчинился ему как верховному правителю России и верховному главнокомандующему русскими армиями. Главным мотивом этого акта было стремление упрочить международное положение антибольшевистской России, добиться ее официального признания странами Антанты и тем самым стимулировать их на оказание более щедрой материальной помощи. При этом Деникин считал, что он и его правительство сохранят за собой полную самостоятельность во внутреннем управлении, и в докладе, отправленном Колчаку, даже просил предоставить ему право внешних сношений по вопросам, касающимся исключительно юга России.

Ответ из Омска был получен только в конце августа (начале сентября), из которого явствовало, что, назначив Деникина своим заместителем и тем обеспечив преемственность верховного командования, Колчак очертил пределы власти главкома ВСЮР: в области внутреннего управления – вся полнота законодательной власти, во внешнеполитической – самостоятельное руководство в части, касающейся юга России. Общее руководство внешней политикой, что было вполне естественно, а также «в вопросах денежного обращения, валютной и земельной политики», что стало неприятной неожиданностью для Особого совещания при главкоме ВСЮР (правительства, состоящего при Деникине), Колчак возложил на состоявшее при нем в Омске Временное всероссийское правительство.

На практике, сочли многие члены Особого совещания, это грозило парализовать работу некоторых управлений. Начальник Управления финансов М.В. Бернацкий заявил, что, если Омское правительство будет

настаивать на своем, ему ничего не останется, как уйти в отставку. В Омск была послана составленная кадетом Соколовым радиотелеграмма с указанием на необходимость, в связи с быстрым продвижением ВСЮР на север, самостоятельно проводить срочные мероприятия по земельному вопросу. С ней вместе были посланы и развернутые возражения по вопросу денежного обращения, подготовленные Управлением финансов. На это из Омска пришла телеграмма, в которой сообщалось, что Совет министров возражения Особого совещания в целом принял и даже предложил обмениваться важнейшими законами.

Но по многим частностям практическое применение норм, установленных верховным правителем, вызывало в каждом конкретном случае противодействие управлений ВСЮР, особенно в вопросах использования черноморского торгового флота, регулирования денежного обращения и распоряжения иностранной валютой. В итоге удавалось добиться решения спорных вопросов в интересах ВСЮР, а фактически рамки самостоятельности главкома ВСЮР и Особого совещания были расширены. И лишь в области аграрной политики Колчак твердо стоял на принципе недопущения местного законодательства.

В декабре 1919 г. была получена телеграмма Колчака от 19 ноября (н.ст.) о предоставлении главкому ВСЮР всей полноты власти на занимаемой территории, что фактически, ввиду поражений и отступления восточных армий, означало передачу Колчаком Деникину власти верховного правителя России.

В конце мая (начале июня) ВСЮР начали наступательные операции на широком фронте.

11(23) июня 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова взял Харьков, а 16(29) июня частями Добровольческой армии был полностью занят Крым и

взят Екатеринослав. Донская армия под командованием В.И. Сидорина, численно увеличившись с 15 тыс. до 40 тыс. за счет морального подъема на Дону, притока мобилизованных и присоединения казаков-повстанцев, полностью освободила Донскую область и выдвинулась за ее пределы на воронежское и балашовское направления. Кавказская армия П.Н. Врангеля 17(30) июня взяла со второй попытки Царицын.

К концу июня (началу июля) ВСЮР вышли на фронт Херсон–Екатеринослав–Белгород–Балашов–Царицын, прочно упершись флангами в Днепр и Волгу. 20 июня (3 июля) А.И. Деникин отдал армиям директиву, конечной целью которой было занятие Москвы. Кавказской армии ставилась задача выйти на фронт Саратов–Балашов и далее продвигаться в направлении Пенза, Нижний Новгород, Владимир, Москва. Донской армии – наступать в направлении Воронеж, Козлов, Рязань. Главный удар должна была нанести Добровольческая армия генерала В.З. Май-Маевского в направлении Курск, Орел, Тула.

Отдавая «Московскую директиву», Деникин никак не предусматривал соединения с восточными белыми армиями, которые уже отступали от Волги. Он не закрывал глаза на трудности поставленных задач, но, как и многие, он был полон оптимизма, который, как он сам полагал, базировался на реальной почве: тяжести положения Советской власти и степени разложения Красной армии.

«Поход на Москву» развивался, хотя и не всегда в соответствии с директивой, успешно: 17(30) августа был взят Киев, 17(30) сентября – Воронеж и, наконец, 30 сентября (13 октября) – Орел.

По мере продвижения к Москве все большее значение приобретал вопрос эффективности управления занятой «добровольческой» территорией. Деникин и

Особое совещание пошло по пути децентрализации власти во всероссийском масштабе, но при этом – жесткой централизации и милитаризации в масштабе региональном. Цель заключалась в том, чтобы подчинить территориально-административное деление военным нуждам и «решить» национальный вопрос методом пресечения тяги к созданию национальных автономий. Исходя из этого в основу деления занимаемой территории были положены области, которые включали несколько губерний. Так, территория Украины, Новороссии и Крыма не были сохранены в своих границах, их постановлено было разделить на три области: Киевскую, Харьковскую и Новороссийскую. В итоге к осени 1919 г. административное деление территории ВСЮР было следующим: Северокавказская, Харьковская, Киевская и Новороссийская области, Черноморская губерния с правами области, Дон, Кубань и Терек – «суверенные» казачьи области, а также южные части Саратовской и Воронежской губерний, главноначальствующими которых являлись командующие соответственно Кавказской и Донской армиями.

Поскольку области возглавлялись главноначальствующими как главами гражданской администрации и командующими войсками на территории области, это устройство на практике вело к увеличению бюрократического аппарата, усилению волокиты и коррупции.

Быстрое приращение территории грозило многократным усложнением управления ею, обострением экономических проблем, нарастанием трудностей снабжения и тылового обслуживания ВСЮР. В такой ситуации до предела обострилась необходимость урегулирования отношений с казачьими областями, точнее – установление реального диктата власти

главкома ВСЮР в экономической и политической сферах, дабы можно было сконцентрировать все финансовые ресурсы и хозяйственные средства казачьих областей, во-первых, на снабжении и обслуживании армий, во-вторых, на поставках в пораженные голодом и разрухой центральные районы России продовольствия и топлива, в-третьих, на экспорте сырья для пополнения валютного фонда и импорта недостающих военных материалов и промтоваров для населения занимаемой территории. И решить эту проблему надо было как можно быстрее, поскольку по мере удаления фронта и войск от казачьих областей возможность влиять на их правительства и заставлять их жертвовать людскими и материальными ресурсами казачьих войск уменьшалась.

Наконец, живя мыслями о воссоздании единой, неделимой России, Деникин понимал, что с течением времени обособленность казачьих и национальных «новообразований» усиливается и их отрыв от Великороссии становится все более резким, поскольку их «суверенитет» каждодневно укрепляется их внутренней и внешней политикой.

Однако все попытки сосредоточить управление экономикой в центральном аппарате ВСЮР (Управлениях финансов, торговли и промышленности, снабжений) были сорваны донским, кубанским и терским казачьими правительствами. Трудности снабжения и пополнения войск нарастали, и части вынуждены были все шире прибегать к насильственным мобилизациям и реквизициям, которые быстро перерастали в массовый грабеж «благодарного» населения. Всякое недовольство и пассивное уклонение от реквизиций и несения повинностей трактовались белыми властями как «большевизм» и беспощадно подавлялись.

К катастрофической дороговизне и разгулу спекуляции, жизни впроголодь и обнищанию, массовому

грабежу войсками и белому террору добавились активизация деятельности монархических организаций и монархической пропаганды, вызывавшей у широких слоев сельского и городского населения самую отрицательную реакцию. Закономерным результатом стал рост массового недовольства белыми военными диктаторами и их правительствами. И никакая деятельность белых органов пропаганды не была в состоянии хотя бы смягчить это недовольство⁶.

В итоге в течение лета–осени 1919 г. в настроении основной части деревни произошел перелом в пользу Советской власти. Он ярко проявился в срыве мобилизаций в белые армии, росте дезертирства, в стихийных восстаниях и распространении повстанческого движения «зеленых» («зелеными» называли скрывавшиеся, как правило, в лесах отряды из крестьян, либо восставших против большевистской или белой властей, либо дезертировавших из Красной армии или белых войск; они вели борьбу за «землю и волю» для крестьян; помимо повстанцев и дезертиров в «зеленых» отрядах было немало анархистов и уголовников).

Летом 1919 г. обширные пространства Сибири, южных районов России и Украины оказались быстро охвачены повстанческим движением, в котором, как и осенью 1917 г., объединились под демократическими требованиями «земли и воли» практически все слои крестьянства, включая часть кулачества. Большевистским организациям в белом тылу с трудом и далеко не везде удалось поставить под контроль повстанческие силы; многими отрядами и «армиями» руководили эсеры и анархисты. Крестьяне из своей среды выдвигали ярких вождей и талантливых командиров⁷.

Одним из них стал Н.И. Махно, командовавший Повстанческой армией, которая насчитывала от 50 до 80

тыс. бойцов и действовала на территории Екатеринославской и Таврической губерний. Махновские отряды разбивали тыловые части ВСЮР и разгоняли местную администрацию, срывали мобилизации и реквизиции, разрушали железные дороги и вносили хаос в снабжение⁸.

На борьбу с крестьянами-повстанцами Деникин и Колчак вынуждены были отвлекать значительные силы с фронта. Однако, воюя против белых и помещиков, повстанцы отнюдь не сочувствовали коммунистам и желали возвращения Советской власти без большевистского засилья в Советах и диктаторских методов управления.

Таким образом, опробовав (часто – буквально на собственной спине) политику белых военных и гражданских властей, которая живо напомнила дореволюционное хозяйничанье помещиков, хлеботорговцев и полицейских, деревня, включая часть зажиточной верхушки, поднялась на борьбу против белых, вольно или невольно оказывая тем самым помощь Красной армии.

Отнюдь не проникшись социалистической идеологией и оставаясь чуждыми большевизму, крестьяне на деле выбрали Советскую власть как меньшее из зол, как гарантию от возвращения помещиков, как силу, способную установить в стране «мир и порядок». По сути, это был выбор между ненавистным прошлым и неизвестным будущим, в котором крестьяне надеялись получить возможность вольной и сытной жизни после прекращения войны и установления в России одной, но крепкой власти.

* * *

Лидеры и рядовые участники Белого движения жили надеждой на всестороннюю помощь держав Антанты. Но их политическая и материальная помощь не могла компенсировать белым диктатурам потери экономической и социальной базы. Во-первых, потому, что она была отнюдь не бескорыстной. Во-вторых, не такой значительной, как принято было изображать в советской исторической литературе, и далеко не достаточной. И, в-третьих, условием ее оказания ставились серьезные политические требования: признание независимости национальных государств, образовавшихся на окраинах бывшей империи, прежде всего Польши, Финляндии, республик Прибалтики и Закавказья, передача помещичьей земли крестьянам, созыв Учредительного собрания, установление в России после победы над большевиками парламентской республики и т.п. Именно в этом правительства стран Антанты видели неременное условие поддержки Колчака и Деникина большинством населения, оказания помощи белым армиям со стороны вооруженных сил Финляндии, Польши, Грузии и других «новообразований» и, наконец, более щедрого снабжения белых.

Иной их позиция быть не могла. Острый социально-экономический кризис в послевоенной Европе существенно сужал возможность материальной помощи русским антибольшевикам. С другой стороны, демократические силы во Франции и Великобритании, прежде всего рабочий класс, профсоюзы и социалистически настроенная интеллигенция, оказывали сильнейшее давление на свои правительства, требуя прекратить поддержку и снабжение белых как «реакционеров». В этой ситуации только проведение ими демократической политики, по мнению правительств стран Антанты, могло способствовать образованию

широкой антибольшевистской коалиции из белых диктатур и окраинных национальных государств, обеспечить белым поддержку большинства российского населения и позволить приступить к оказанию куда более щедрой материальной помощи, включая предоставление валютных займов.

Белые диктаторы и их окружение, со своей стороны, считали материальную помощь «моральной обязанностью» союзников, поскольку Россия понесла огромные людские и материальные потери ради общей победы и большевизм, на их взгляд, в равной степени угрожает как России, так и всей Европе. Поэтому они очень болезненно воспринимали предъявляемые западными союзниками требования и выставленные условия, уклонялись от обещания каких-либо демократических преобразований, особенно от признания независимости новых государств, за исключением Польши.

Материальная помощь белым предоставлялась главным образом в виде товарных кредитов, выделявшихся на оплату поставляемых военных материалов, причем Великобритания, снабжая Деникина, не ставила вопроса об их возврате, а Франция настаивала на компенсациях валютой или зерном. Такая материальная помощь, по сути, являлась продолжением политики предоставления займов императорской России.

Поскольку этих поставок не хватало для снабжения и вооружения войск, внешнеторговые учреждения Деникина и Колчака закупали у иностранных фирм необходимые военные материалы, либо используя запасы иностранной валюты, либо вывозя в обмен на зарубежные рынки сырье, прежде всего зерно. Правительство Колчака использовало на нужды снабжения армии часть захваченного золотого запаса, депонировав его в иностранных банках.

Правительство Деникина стремилось увеличить вывоз зерна и других видов сырья, хотя население, промышленность и транспорт на территории ВСЮР сами остро в них нуждались. При этом иностранные и отечественные частные фирмы, привлекавшиеся к поставкам, вздували цены до сверхспекулятивных и наживали на снабжении белых армий огромные прибыли. В итоге, потребовав от белых правительств значительных затрат валютой, использования золота и вывоза сырья, собственные закупки на внешнем рынке лишь незначительно дополнили поставки союзников по Антанте. А вместе поставки и закупки обеспечили белые армии вооружением, боеприпасами, обмундированием и снаряжением менее чем на половину их потребностей. Трофеи, добытые в бою и оплаченные кровью, и в 1919 г. оставались одним из источников получения пушек, винтовок, снарядов, патронов и т.д.

Оказывая материальную помощь, правительства Антанты и их военные и дипломатические представители в белых «столицах» упорно давили на военных диктаторов, требуя проведения демократических реформ. Но поскольку Колчак и Деникин уклонялись даже от заявлений и обещаний провести демократические преобразования, страны Антанты так и не признали их де-юре и не рискнули увеличить материальную помощь.

В национальной политике белые диктаторы и их правительства проявляли крайнюю нетерпимость ко всем национальным государствам, образованным на окраинах бывшей империи, национальным организациям и их лидерам. Во главу угла они ставили принцип воссоздания «Единой Неделимой России». Деникин не сумел наладить отношения даже с правительствами казачьих областей, особенно Кубани, где в органах казачьей власти преобладали социалисты, украинофилы и

сторонники автономии края (так называемые самостийники).

Поэтому образовавшиеся на окраинах государства, несмотря на острую враждебность к большевистской власти в России, предпочли уклониться от военной помощи белым, имея все основания опасаться, что после победы над большевиками Колчак и Деникин повернут свои войска против них и попытаются силой отнять выстраданную и добытую дорогой ценой независимость.

Так, летом 1919 г. союзники попытались направить финскую армию на поддержку наступавшей на Петроград Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича⁹, но, несмотря на их давление, Колчак отказался принять предварительное условие главы финского государства К. Маннергейма – признать независимость Финляндии. В результате 50-тысячная финская армия, которая могла помочь Северо-Западной армии взять Петроград, осталась осенью безучастным свидетелем ее разгрома красными. Армия Юденича отступила на территорию Эстонии, где была разоружена и распущена ее властями¹⁰.

Тогда же Ю. Пилсудский, глава польского государства, приостановил активные действия польских войск на Украине против советских войск, чтобы не помогать наступлению Деникина на Москву (в эмиграции Деникин был убежден в том, что именно Польша «спасла Советскую власть от гибели»).

В итоге внешние и внутренние противники большевиков не сумели организовать ни одного «объединенного и комбинированного» похода на большевистскую Москву, поскольку их союз раздирался глубокими противоречиями. Эти противоречия в сочетании с растущей солидарностью европейских рабочих и средних слоев с Советской Россией летом–

осенью 1919 г. изменили соотношение сил на международной арене в пользу большевиков. В результате они сумели поодиночке ликвидировать белые диктатуры и разгромить их вооруженные силы, а затем приступить к «советизации», также поодиночке, национальных государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи.

В силу всех этих внутренних и внешних факторов положение на фронтах летом–осенью 1919 г. коренным образом изменилось в пользу Красной армии.

* * *

Нежелание большинства крестьян воевать за белых вело к систематическому провалу мобилизаций, что вынуждало командование колчаковских и деникинских войск ставить в строй пленных красноармейцев из тех же крестьян, мобилизованных советскими властями (на юге России белые начали практиковать это еще осенью 1918 г.). При этом доля крестьян в составе белых армий выросла до 70–80 %. Поэтому по мере поворота крестьян против белых началось массовое дезертирство, уход к «зеленым» и перебежки к красным. Это резко подорвало боеспособность белых войск.

В то же время в Красной армии начались обратные процессы. Несмотря на значительное число дезертиров, мобилизации в Красную армию во второй половине 1919 г. проходили много успешнее, чем в 1918 г., десятки тысяч дезертиров с лета начали добровольно возвращаться. На сторону красных стали переходить большие группы и даже целые части белых, сформированные из насильно мобилизованных крестьян и поставленных в строй пленных красноармейцев. В итоге части регулярной Красной армии, на 90 %

состоящие из крестьян и пользовавшиеся сочувствием и поддержкой сельского населения, оказались значительно сильнее и числом, и духом по сравнению с белыми частями. Именно это предопределило коренной перелом в борьбе на Восточном и Южном фронтах.

Ему способствовало и более рациональное благодаря военному коммунизму использование незначительных запасов топлива и сырья, что позволяло правительству Ленина сохранять на небольшом числе еще не остановившихся заводов производство вооружения, боеприпасов, обмундирования и снаряжения. Продразверстка давала минимально необходимое количество продовольствия для армии. В результате отрезанная блокадой от внешних рынков Советская Россия смогла лучше вооружать и снабжать свою армию.

С другой стороны, активные усилия большевистского правительства, прежде всего РВСР и Наркомвоена, по мобилизации офицеров и укреплению ими командования и штабов фронтов, армий, корпусов, дивизий, бригад и т.д., широко развернутая армейскими политорганами агитационно-пропагандистская работа, направление тысяч коммунистов на должности комиссаров, ужесточение их контроля за командирами и беспощадные репрессивные меры (вплоть до расстрелов по приговорам реввоенрибуналов) против командиров и бойцов, отказавшихся выполнить боевой приказ, мародеров и дезертиров позволили улучшить управление войсками, укрепить дисциплину в частях, уменьшить грабежи, наладить отношения армии с местным населением и тем самым повысить ее боеспособность.

Наконец, 1 июня 1919 г. ВЦИК РСФСР при участии представителей большевистских правительств других советских республик принял декрет «Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии,

Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». На словах признавая независимость и самоопределение «трудящихся» этих республик, на деле декрет вводил централизованное командование и управление из Москвы их вооруженными силами, финансами, военной промышленностью и железнодорожным транспортом. По сути, это был первый, и одновременно решающий, шаг к образованию будущего СССР. Движущей силой этого объединительного процесса были не интернациональные чувства и воля «трудящихся масс», а воля руководства партии большевиков, Политбюро и Центральный комитет которой фактически правили из Москвы всеми советскими республиками, поскольку компартии этих республик являлись составными частями РКП(б). Большевицкое руководство тем самым стремилось распространить свою власть на максимально возможную территорию бывшей Российской империи, что приобрело жизненно важное значение в ситуации, когда не оправдались надежды на пролетарские революции в европейских странах.

Созданная на основе декрета от 1 июня, единая РККА включила в свой состав 16 армий, и ее численность к концу 1919 г. достигла 3 млн. человек. В то же время общая численность всех белых армий не превысила 500 тыс. В июле новым главкомом был назначен С.С. Каменев.

* * *

Решающие военные события в марте 1919 – марте 1920 гг. происходили на востоке и юге России.

В мае–июне 1919 г. произошел коренной перелом на Восточном фронте. В течение лета и осени армии Восточного фронта (в июле–августе им командовал М.В.

Фрунзе) при поддержке партизан освободили от колчаковских войск огромные пространства Урала и Западной Сибири. В январе 1920 г. власть Колчака была ликвидирована.

В октябре–ноябре 1919 г. произошел, отчасти благодаря и операциям в деникинском тылу Повстанческой армии Махно, коренной перелом на Южном фронте, которым командовал А.И. Егоров. Дошедшие в октябре почти до Тулы, ВСЮР отступили в декабре главной массой на Дон и Кубань. В декабре 1919 – марте 1920 гг. войска Юго-Западного фронта под командованием Егорова заняли часть Украины с Киевом и Новороссию с Одессой. А войска Кавказского фронта под командованием М.Н. Тухачевского заняли Дон, Кубань и Черноморье. Остатки Добровольческой, Донской и Кавказской (из кубанских частей) армий ВСЮР, числом до 50 тыс., Деникин эвакуировал из Новороссийска и из района Сочи в Крым.

Главным итогом этого решающего периода Гражданской войны явилось укрепление большевистской диктатуры и ее вооруженных сил, образование военно-политического союза советских республик, ликвидация наиболее сильных государственных образований Белого движения – военных диктатур Колчака и Деникина – и разгром их армий.

* * *

Пятый период Гражданской войны и Белого движения (апрель–ноябрь 1920 г.) включает в себя военные действия против польской армии, попытку сохранить последний оплот белогвардейской государственности в Таврии и ликвидацию остатков ВСЮР на юге России.

Правительство Ленина не смогло организовать

натуральный обмен между городом и деревней как из-за отсутствия запасов промтоваров, так и невозможности их получения в связи с умиранием промышленности. Положение с продовольствием в городах стало катастрофическим. В виде натурального пайка выдавались главным образом «ржавые» селедки и «осьмушка» хлеба, напоминающего землю. В результате до 80 % рабочих покинули свои предприятия и разошлись по деревням, где можно было прокормиться ремонтом и мелким производством сельхозинвентаря, инструментов и т.д.

На почве голода во всех промышленных городах происходили забастовки рабочих. Большевистские власти использовали против рабочих органы ВЧК и даже войсковые части. Участников забастовок подвергали арестам, молодых рабочих отправляли на фронт. В итоге выступления рабочих против военно-коммунистической политики дополнялись протестами против «самодержавия» ЦК партии большевиков и террора «чрезвычайка». Таким образом, в 1920 г. социальная база большевистской диктатуры в городах значительно сузилась.

Крестьяне в условиях военного коммунизма потеряли заинтересованность не только в увеличении, но даже сохранении сельскохозяйственного производства, поэтому они сокращали посевы и производство продуктов до собственного потребительского минимума, дабы не иметь никаких «излишков», подлежащих безвозмездной сдаче государству. С их точки зрения мелкого товаропроизводителя, не было никакого смысла производить больше, поскольку все излишки отбирались, торговля была запрещена, а натуральный обмен с городом не был налажен¹¹.

Летом 1920 г., когда Гражданская война на большей части территории России закончилась и угроза

возвращения помещиков исчезла, в политических настроениях крестьян произошел очередной перелом. Наиболее трудоспособная и политически активная часть деревни начала решительно требовать отмены продразверстки и восстановления свободы торговли между городом и деревней. Недовольство крестьян быстро вылилось в восстания и повстанческое движение на Украине, в Поволжье, Западной Сибири, Тамбовской губернии и других районах. Почти в каждой губернии существовали крестьянские отряды (по большевистской терминологии – «банды»), которые срывали проведение продразверстки, убивали большевиков, работников советских и продовольственных органов, милиционеров и т.д. Небывалой жестокостью сопровождались операции в советском тылу отрядов Повстанческой армии Махно.

Недовольство крестьянской массы продразверсткой и диктатурой большевиков распространилось на Красную армию, 90 % которой составляли крестьяне. Несмотря на пропаганду и репрессии, в частях росли антибольшевистские настроения. Особенно быстро они распространялись среди казаков, служивших в белых армиях, одни из которых перешли на сторону красных, а другие были взяты в плен и поставлены в строй в конце 1919 – начале 1920 гг. Это приводило к выступлениям против комиссаров и большевистской партии вообще, разлагало войска и понижало их боеспособность. В такой ситуации использование частей Красной армии для борьбы против крестьянских восстаний стало опасным для большевистского режима. В ответ он усилил пропаганду и репрессии в армии, которые были направлены в том числе против командиров из крестьян, популярных в красноармейской массе.

Так, в феврале 1920 г. по ложному обвинению в убийстве комиссара корпуса, подготовке мятежа и

антисемитизме был арестован, в мае осужден выездной сессией РВТР в Ростове и расстрелян вместе с ближайшими помощниками командир Конного корпуса Б.М. Думенко¹². Он являлся самым известным на юге командиром красной конницы: в 1918–1919 гг. он сформировал дивизии и корпуса, развернутые впоследствии в 1-ю и 2-ю конные армии (в 1930-е гг. все его заслуги были приписаны С.М. Буденному).

* * *

Существенно изменилась в пользу большевиков расстановка сил за пределами России. Для стран Антанты стало очевидным, что антибольшевики в России не пользуются народной поддержкой и потому не способны ликвидировать правительство Ленина, и, следовательно, поддерживать их материально – значит выбрасывать деньги на ветер. С другой стороны, вывести европейские страны из послевоенного экономического кризиса и социальной напряженности можно было только при условии восстановления традиционных экономических связей с Россией (импорта ее сырья и продовольствия и экспорта в нее промышленных товаров), в противном случае Европа оказывалась перед угрозой попасть в полную финансовую и сырьевую зависимость от США. Наконец, в среде рабочих, средних слоев и социалистически настроенной интеллигенции европейских стран росло движение солидарности с Советской Россией.

В такой ситуации в январе 1920 г. по инициативе Великобритании и Италии Верховный совет Антанты принял решение о снятии блокады и возобновлении торговли «с населением России». Такая формула исключала признание большевистского правительства, на чем твердо настаивала Франция. Реально это решение

стало осуществляться значительно позднее благодаря прежде всего активности британского правительства Д. Ллойд Джорджа, которое стремилось опередить конкурентов и захватить в свои руки торговлю с Россией, надеясь компенсировать огромные расходы на снабжение ВСЮР в течение 1919 г. и попутно «перевоспитать» большевиков экономическими средствами. В мае 1920 г. в Лондоне начались советско-британские торговые (по сути, и политические) переговоры, которые завершились в марте 1921 г. подписанием торгового договора.

Наиболее непримиримой и бескомпромиссной по отношению к большевикам была Франция, стремившаяся, в отличие от Великобритании, не к сохранению раздробления России, а к ее воссозданию как противовеса Германии и единого должника, способного возратить долги французским кредиторам. Поэтому Франция активно поддерживала Польшу в ее антирусской политике.

Национальные государства, образовавшиеся на окраинах бывшей Российской империи, чтобы обезопасить себя от «экспорта революции», после разгрома армий Колчака, Деникина и Юденича пошли на заключение мирных договоров с большевистской Россией. В 1920 г. такие договора с РСФСР заключили Эстония, Грузия, Литва, Латвия и Финляндия, что означало юридическое признание правительства Ленина.

* * *

Короткий крымский период Белого движения, связанный с именем генерала П.Н. Врангеля, которому Деникин в апреле 1920 г. передал пост главкома ВСЮР, представляет особый интерес как с точки зрения изменения внутренней политики и стратегии последнего военного диктатора, так и с точки зрения перемен в

отношениях между белыми и Антантой. Кроме того, Белое движение и его государственность, социально-экономические реформы и преобразования в области государственного устройства как ни в какой другой период и ни на какой другой белой территории, носит на себе сильный отпечаток яркой личности последнего военного диктатора.

Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель (1878 – 1928) происходил из потомственных дворян шведского происхождения. По окончании Горного института в 1901 г. он поступил на военную службу. Получив офицерский чин, он предпочел делать карьеру на гражданской службе, в системе Министерства внутренних дел, и уехал в Иркутск, на должность чиновника по особым поручениям при Иркутском военном генерал-губернаторе. Однако с началом войны против Японии он попросился в действующую армию. Вскоре после окончания Русско-японской войны он перешел из МВД на военную службу, в 1911 г. окончил Офицерскую кавалерийскую школу. Участвовал в Первой мировой войне; в 1917 г. – генерал-майор, командир Сводного конного корпуса. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию, в составе которой командовал сначала 1-й конной дивизией, затем 1-м конным корпусом. В 1919 г. командовал армиями ВСЮР: с января – Кавказской Добровольческой, с мая – Кавказской, в декабре – Добровольческой. С апреля 1920 г. – главнокомандующий ВСЮР и правитель юга России, в ноябре 1920 г. эвакуировался с остатками войск из Крыма в Турцию. В эмиграции жил в Турции, Сербии и Бельгии¹³.

Врангель был счастлив в своей личной жизни, несколько раз он избежал верной гибели, но его военно-политическая судьба сложилась трагично¹⁴.

В апреле 1920 г. Врангель и его ближайшие помощники сумели сделать главный вывод из опыта поражений Колчака и Деникина: борьба с Красной армией в центре России без поддержки крестьянства – дело безнадежное. В штаб Врангеля было подано много проектов аграрной реформы и записок, авторы которых, исходя из ставшего очевидным факта, что борьба против Советской власти «невозможна без внесения успокоения в деревню, без опоры на многочисленную массу крестьян, собственников в душе», предлагали «утолить земельный голод и неудержимую тягу крестьян к захвату помещичьей земли» и тем «вырвать эту почву из-под ног большевиков».

Спустя уже пять дней после назначения Врангеля главкомом ВСЮР аэропланы белых начали разбрасывать в ближайшем тылу красных войск листовки, извещавшие, что «Деникин уехал за границу» и «скоро будет издан приказ о распределении земли».

Врангель попытался положить конец укоренившимся при Деникине насильственным мобилизациям и реквизициям зерна, лошадей, скота, подвод, одежды и другого имущества у крестьян, неоднократно издавая самые категоричные приказы на этот счет и создав в войсках специальные военно-судные комиссии для рассмотрения жалоб крестьян на грабежи и насилия со стороны военнослужащих.

Переформировав остатки ВСЮР в 25-тысячную армию, он 11 мая дал ей наименование «Русская армия», рассчитывая тем самым придать ей «народный» характер и подчеркнуть ее отличие от «Добармии», название которой было ненавистно для крестьянского населения юга России и Украины и связывалось им с восстановлением помещичьего землевладения, грабежами и террором (крестьяне стали называть ее «Грабьармией»).

Постоянно помня, что Деникин «не справился с территорией», Врангель и приглашенный им на пост главы правительства А.В. Кривошеин считали, что большевиков можно свергнуть не «походом на Москву», не «завоеванием России», а «созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа». Они предполагали обеспечить на занятой территории «законность и порядок», свободу торговли, проведение аграрной реформы в интересах зажиточных крестьян-собственников, создать более высокий материальный уровень жизни населения и организовать «демократическое» управление. С другой стороны, исправляя ошибки Деникина, они рассчитывали наладить отношения со всеми молодыми государствами, возникшими на окраинах бывшей империи, установить связь со всеми организациями, включая национальные, и вооруженными силами, включая крестьянские повстанческие отряды, прежде всего – с Повстанческой армией Махно, и создать единый антибольшевистский фронт.

Тогда, по расчетам Врангеля и Кривошеина, русский народ, доведенный военным коммунизмом и террором «чрезвычайек» до обнищания и озлобления, «сам свергнет иго большевиков» и Русской армии останется лишь постепенно продвигаться вперед, закрепляя за собой освобожденные территории. По сути, они планировали политику «двух России»: созданная ими «вторая Россия» как альтернатива большевистской должна была существовать до тех пор, пока русский народ не сделает выбор в ее пользу и не сметет большевистский режим.

Быстро разработанный земельный закон продолжил курс столыпинской аграрной политики

применительно к опыту Гражданской войны, военно-политической ситуации весны 1920 г.: он сводился к увеличению зажиточной прослойки, для чего часть помещичьих земель, фактически захваченных крестьянами, передавалась им в собственность за большой выкуп, который необходимо было выплатить за 25 лет. Другая часть земли подлежала возвращению прежним владельцам, а за отчужденную часть правительство должно было выплатить им компенсацию.

Обнародование врангелевского «приказа о земле» (6 июня) было приурочено к началу наступления Русской армии в Северную Таврию (северные, материковые, уезды Таврической губернии; ныне – Запорожская область Украины). Врангель говорил своим ближайшим помощникам: «Необходимо принять все меры, чтобы широкие массы крестьянства были ознакомлены с приказом о земле. Армия должна нести крестьянам землю на штыках – вот психологическое значение приказа». Земельная реформа стала своего рода пропагандистским лозунгом наступления. Занимая населенные пункты, офицеры усиленно агитировали крестьян против совхозов, коммун и продразверстки, обещали им землю, свободу торговли и «мирный труд под защитой Русской армии».

Крестьяне были довольны положением закона, что захваченная помещичья земля остается за ними, говоря: «Наконец-то белые и о нас вспомнили». Основная масса сельского населения встретила наступающие части Русской армии хоть и настороженно, но в целом доброжелательно, рассчитывая с ее приходом избавиться от ненавистной продразверстки и получить долгожданную свободу торговли хлебом.

Однако когда началась реализация «приказа о земле», совершенно неожиданно выяснилось, что таврические крестьяне «особой жадности на землю не

проявляют». Во-первых, многие, даже зажиточные, были недовольны высокими выкупными платежами и их рассрочкой на 25 лет: они справедливо усматривали в этом лазейку для возвращения земли помещикам. «Раньше было лучше, – говорили они. – Купил землю, заплатил и... все. Теперь же нужно закабалиться на всю жизнь, двадцать пять лет платить помещикам». Во-вторых, многие не верили в долговечность власти Врангеля, в то, что «одна губерния может одолеть всю Россию». Они предпочитали дождаться более внушительных успехов белых, справедливо опасаясь с возвращением большевиков потерять приобретенную землю и внесенные выкупные платежи. В-третьих, у крестьян, почти совершенно разоренных продразверсткой и грабежами, до предела уставших от войны, желание получить землю отошло на второй план, уступив место жажде «мира и порядка», поскольку и ту землю, что они имели, невозможно было обработать: не хватало лошадей и сельхозорудия пришли в полную негодность.

Земельная реформа, задуманная Врангелем не только как «пропагандистская кампания», но и как реальный шаг к «царству фермеров», к обеспечению Белому движению прочной поддержки крестьян-собственников земли, медленно, но проводилась на деле. Южно-русское правительство, возглавляемое Кривошеиным и подталкиваемое Врангелем, успело провести выборы во все уездные и в большинство волостных земельных советов, которым было предоставлено право распределять между крестьянами в собственность землю, отчужденную у помещиков. До конца октября были проведены разделы нескольких помещичьих имений. Земельная реформа была дополнена земской. С августа правительство начало работу по созданию на основе земельных советов

волостных земских учреждений, порядок выборов в которые обеспечивал преобладание крестьян-собственников земли¹⁵.

Однако крестьянство Таврии, не веря в прочность власти Врангеля, в целом пассивно отнеслось к его аграрным реформам. Ибо доминирующим чувством деревни была крайняя усталость от войны и разрухи. Даже самые богатые, не говоря уже о середняках, рассчитывая с возвращением белых на избавление от тягот военного коммунизма, не собирались пополнять и снабжать Русскую армию, отдавать по реквизициям лошадей, скот, зерно, продукты, одежду, повозки и т.д., а также нести различные повинности, разорительные для хозяйства. В июне сельские сходы в Северной Таврии часто выносили такие решения: «Ни хлеба, ни скота, ни людей мы вам, кадюкам, не дадим. Как начали воевать, так и продолжайте себе с Богом».

Особенно решительно крестьяне отказывались подчиняться приказам Врангеля о мобилизациях. Несмотря на угрозы военно-полевым судом, крестьянская молодежь в Северной Таврии массами пряталась в степи и днепровских плавнях, в Крыму – в горах и лесах. На сборные пункты воинских начальников являлось не более трети подлежащих призыву, в большинстве – негодные по здоровью и льготники. Нередки были случаи, когда приходившие на сборные пункты заявляли: «Мы власти белых не признаем и служить не будем».

Ввиду провала законных мобилизаций уже в конце июня части Русской армии вернулись к привычной практике насильственных мобилизаций. Пока одни части вели кровопролитные бои против красных на фронте, другие «оперировали» против уклоняющейся крестьянской молодежи в тылу. Обычно с ночи деревню, словно позицию противника, плотно окружали цепями и

на рассвете приступали к «штурму» – повальным обыскам и облавам. Бывало и так, что проходившие через села части звоном церковных колоколов собирали жителей на площадь, а затем окружали и повязывали всех мужчин. Всех захваченных отправляли под конвоем в запасные части. Но, несмотря на угрозы репрессий по отношению к родственникам, насильно мобилизованные, пользуясь темнотой, слабостью охраны и неразберихой на транспорте, разбежались по дороге, причем многие уходили к «зеленым». Из сотен до запасных частей доходили десятки.

К середине августа вместо предполагавшихся 100 тыс. новобранцев Таврическая губерния дала Русской армии не более 20 тыс., которые спешили дезертировать при первой возможности.

Между тем потери в боевых частях достигли 50 %, и вопрос пополнений стал вопросом существования Русской армии. Поэтому командование снова стало ставить в строй пленных красноармейцев, доля которых в составе частей колебалась от 50 до 80 %.

* * *

В экономической области правительству Врангеля и Кривошеина не удалось предотвратить дальнейшее умирание промышленности и транспорта, приостановить падение курса рубля и рост цен. Главной причиной этого явился крах финансовой системы, неизбежный при продолжении военных действий: маленькая занимаемая территория была не в состоянии обеспечить воюющую армию всем необходимым. В 1920 г. расходы на содержание армии и флота, закупку продовольствия в Крыму и Северной Таврии составили 250 млрд руб. Чтобы покрыть этот огромный дефицит бюджета, вызванный военными расходами, правительство пошло

самым доступным путем: усилило эмиссию (выпуск ничем не обеспеченных бумажных денег), что всегда является, по сути, скрытым способом ограбления населения. Всего за 1920 г. Феодосийская экспедиция заготовления государственных бумаг, работая на полную мощность, выпустила около 177 млрд руб., что еще сильнее подстегнуло инфляцию.

Другой причиной ускорения инфляции была пестрота денежного обращения. Как в «Колчакии» и «Деникии», во врангелевской Таврии ходила огромная масса рублей разных выпусков, притекших сюда вместе с армией и сотнями тысяч гражданских беженцев из центра и юга России: несколько сотен миллиардов «романовских», «думских», «керенских», деникинских «колокольчиков», донских «ермаков» и советских дензнаков. Советских денег было особенно много у военнослужащих Русской армии (их отбирали у пленных), крестьян (ими расплачивались части Красной армии), рабочих и мелких служащих (их получили в виде зарплаты при Советской власти). Поскольку выпускаемых правительством денег катастрофически не хватало и в действующую армию они поступали с большим опозданием, части платили крестьянам за продовольствие и лошадей трофейными советскими деньгами, а те, в свою очередь, охотно их брали, уверенные в скором возвращении Советской власти. Рабочие и мелкие служащие тоже не хотели с ними расставаться и пытались использовать при первой возможности, несмотря ни на какие запреты белых властей.

В результате в июне банкноты в 100 и 250 руб. стали разменной мелочью (их в насмешку называли «хамсой»), а самыми ходовыми – банкноты в 1 000 и 10 000 руб. В сентябре разменной мелочью стали банкноты в 500 руб. Если к апрелю 1920 г. покупательная сила

бумажного рубля ВСЮР упала по сравнению с российским рублем 1914 г. более чем в 700 раз (то есть то, что в 1914 г. покупалось менее чем за 15 коп., теперь можно было купить не менее чем за 100 руб.), то к ноябрю 1920 г. она упала в 10 000 раз (то есть за то, что в 1914 г. покупалось за 7 – 9 коп., теперь приходилось платить 1 000 руб.).

Вместе с русскими рублями свободно обращалась иностранная валюта, завезенная интервентами и торговцами. Из-за ажиотажного спроса на «твердую» валюту курс ее рос практически ежедневно. С июля по октябрь 1920 г. стоимость английского фунта на бирже поднялась с 28 000 до 105 000 руб., французского франка – с 500 до 2 100 руб., американского доллара – с 7 500 до 29 000 руб.

Свобода торговли, введенная Врангелем на занятой территории в июне особым приказом, по расчетам правительства, должна была обеспечить крестьян сельхозорудиями и другими промтоварами, а городское население и армию - продовольствием и товарами первой необходимости. Однако в условиях инфляции и острого товарного дефицита торговля во врангелевской Таврии, как и всюду при белых, приняла характер бешеной спекуляции сверху донизу: от оптовых операций «китов» до массового мешочничества и уличной торговли с лотка. Спекулянты периодически изымали из продажи промтовары и продукты, пряча их на складах и даже сдавая в хранилища банков, а затем вздували цены на искусственно созданном дефиците.

С апреля по октябрь цены на промтовары выросли в среднем в 15 раз, на продовольствие – в 20 раз. В местностях, только что занятых Русской армией, цены подсккивали сразу в 5–7 раз. Основная масса населения отдавала последние деньги, чтобы спастись от голода и обнищания. В сентябре газета «Русское дело»

возмущенно писала: «...Начало свободной торговли превратилось у нас в свободу произвола торговцев, не знающих предела своим аппетитам... С товарами проделываются махинации, какие раньше были бы обычными лишь среди биржевиков, игравших на повышении и понижении бумажных ценностей... Приливы и отливы товаров сопровождаются притоком миллионов в бездонные карманы хозяев рынка... Торговля превращается в ряд фокусов черной и белой магии, в результате которых у обывателя исчезает последний рубль из кармана».

Основным звеном внутренней торговли, наиболее близко затрагивавшим интересы крестьян, была государственная и частная закупка хлеба для армии, населения и экспорта. Армейские интендантства покупали хлеб по твердым правительственным ценам, которые были в 5–6 раз ниже рыночных. Когда крестьяне уклонялись от продажи им хлеба, интендантства прибегали к насильственным реквизициям. В свою очередь, крупные хлеботорговцы, занимавшиеся экспортно-импортными операциями, стремились заинтересовать крестьян не обесцененными деньгами, а привезенными из-за границы дефицитными промтоварами.

Спрос крестьян на промтовары значительно превышал предложение, и крестьяне голодными волками кидались на заморский дефицит. Скупщики хлеботорговых фирм пользовались этим и диктовали грабительские цены. По сравнению с довоенным временем, если считать в натуральном выражении, крестьяне платили за сельхозинвентарь, ткани, обувь, керосин, спички и мыло в среднем в 5 раз дороже.

Таким образом, крестьянство Крыма и Северной Таврии в условиях врангелевской свободы торговли подвергалось нещадному ограблению со стороны как

властей, так и хлеботорговцев. Крестьяне жаловались: «Мы находимся в беспрецедентнейшей за нашу память эксплуатации нашего труда. Правительство либо бессильно, либо невнимательно к нуждам крестьянства. Мы подвергаемся форменному грабежу, иначе этот порядок торговли не назовешь. Что толку растить хлеб - проклятая саранча спекулянтов налетит и все съест...».

«И коммунисты нас разоряли, и вы нас разоряете, – высказывали властям свое недовольство даже самые зажиточные крестьяне. – Разница только в том, что коммунисты просто у нас забирали, а вы у нас забираете за большие деньги, но нам даете товар за такие деньги, что хоть ложись и помирай. Сил нету никаких... Одни грабили и другие грабят. Только ваши грабители грабят не только прямо, но и через обман: и деньги дают, и товаров уйму показывают, а мы остаемся и без хлеба, и без денег». «Нет одежды, сапог, старые починить нечем, нет ниток и даже иголки в селе наперечет. Скоро пахать и косить нечем будет: плуги без сошников, косы и серпы повызубрились... При большевиках знали, что ничего нет, и спокойны были. Если городу и государству нужен хлеб, то хотя бы сельскохозяйственный инвентарь доставили, а то сократим или совсем бросим запашку», – одновременно и жаловались, и грозили крестьяне.

Свобода торговли, при которой крестьяне лишились своего главного богатства – хлеба, – не получая взамен ни платежеспособных денег, ни минимально потребного количества промтоваров, вызывала у них тем большее недовольство, чем яснее они понимали, что хлеб идет за границу не в обмен на остро необходимые им продукты промышленности, а на оружие и боеприпасы, «на расплату с Антантой».

Врангель все же попытался защитить население от разгула спекуляции: он повел широковещательную кампанию против «безудержной алчности торгашей». Но

первые же приговоры к тюремному заключению, вынесенные в июне спекулянтам-одиночкам, остались последними. Крупные торговцы, державшие в руках снабжение армии и населения, путем взяток и давления на правительство вынудили его пойти на попятную. Государственная стража (полиция), подкупленная спекулянтами, смотрела на их махинации сквозь пальцы, ограничиваясь тем, что эпизодически вылавливала на рынках и штрафовала мелкую сошку.

Южно-русское правительство фактически отдало торговлю продовольствием в руки крупных спекулянтов и мешочников, которые, наживаясь на голоде масс, прятали продукты и вздували цены. В продаже то и дело отсутствовали мясо, сало, сахар. За мясом и черным хлебом стояли бесконечные очереди. «Со спекуляцией борьба бесполезна», – меланхолично заметил как-то Кривошеин.

Прожиточный минимум семьи из трех человек в городах вырос с апреля по октябрь с 61 000 руб. до 535 000 руб. Жалованье мелких и средних служащих, интеллигенции, рядового офицерства, младшего и среднего состава армии покрывало, несмотря на периодические повышения, от 5 до 30 % семейного прожиточного минимума. Жалованья, получаемого на семью, едва хватало на одного человека. Например, в сентябре офицерам платили ежедневно от 600 до 800 руб. кормового оклада, в то время как обед из трех блюд в простой столовой стоил 10 000 руб., а стакан чая без сахара – 250 руб. Один офицер в частном письме едко заметил: «На наши кормовые, конечно, можно кормить разве цыпленка, но никак не человека».

При роскоши витрин основная масса населения, от рабочих до офицеров, ходила в старой, обтрепанной, перелатанной одежде и обуви. При наличии продуктов на рынке подавляющее большинство горожан жило

впроголодь и не могло сделать запасы на зиму. Удовлетворить себя по сверхспекулятивным ценам могли только «сливки», получавшие доходы значительно выше среднего: спекулянты, верхи буржуазии и помещиков, армии и администрации. Газета «Русское дело» писала, что продукты «доступны лишь очень незначительной части населения, которая может не обращать внимания на рост цен... Но рабочие, интеллигенция, чиновники, офицеры и их семьи дошли до черты, за которой начинается жизнь впроголодь или голод».

Голодавшие в крымских городах семьи офицеров и чиновников, интеллигенция и беженцы меняли остатки имущества на продовольствие у крестьян и мешочников. На рынках предлагалось все: от фамильных медальонов до ношеного нижнего белья. Когда менять было уже нечего, жены фронтовых офицеров шли на панель; случались на этой почве и самоубийства – жен в тылу и мужей на фронте.

Жизнь впроголодь вынуждала чиновников брать и вымогать взятки, запускать руку в казну. Периодически издававшиеся для острастки приказы Врангеля, грозившие взяточникам и казнокрадам каторгой, а также увещевания официальной прессы на тему о том, что «брать сейчас взятку – значит торговать Россией», никакого впечатления на чиновников не производили. «Голод не поощряет человека держаться на стезе добродетели, – с грустью заметил председатель Таврической губернской земской управы князь В.А. Оболенский. – Если в Германии, стране испытанной честности, недостаток продуктов во время войны и падение валюты в послевоенное время произвели столь бросающуюся всем иностранцам в глаза коррупцию нравов, то приходится ли удивляться тому, что в России, где честность никогда не являлась основной добродетелью, во время гражданской войны в тылу

белых войск бесчестность стала бытовым явлением». Взятничество во врангелевской Таврии переросло в массовое вымогательство и готовность за взятку переступить любой закон. Казнокрадство – в финансовые и спекулятивные махинации за счет казны целых учреждений. Волокита – в ничегоделанье.

Офицеры действующей армии компенсировали нехватку жалования грабежом крестьян и присвоением трофеев; многие вывозили награбленное и захваченное продовольствие и имущество в тыл и спекулировали. Среди офицеров тыловых учреждений широко распространилось казнокрадство. Все больше боевых офицеров превращалось в мародеров и торгашей.

В такой ситуации части Русской армии, несмотря на строжайшие запреты Врангеля, вернулись к широкому применению насильственных бесплатных реквизиций, в ходе которых у крестьян отбирали продовольствие, зерно, лошадей и т.д. Подобные реквизиции быстро перерастали в вооруженный грабеж. Всякое противодействие крестьян объявлялось «большевизмом» и немедленно подавлялось жестокими репрессиями: порками, расстрелами, виселицами. Естественно, все это вызывало негодование крестьян и даже вспышки вооруженного сопротивления.

Врангель скоро осознал, что его расчеты на привлечение крестьян к поддержке Русской армии не оправдываются. Поэтому он предпринял попытку перенести борьбу на Кубань, где на почве недовольства казаков продрозверсткой, запретом торговли и террором ЧК ширилось повстанческое движение против большевистской власти. В августе он высадил на Кубани десант: группа войск (около 5 тыс.) под командованием генерала С.Г. Улагая должна была присоединить к себе повстанческие отряды, поднять казаков на борьбу и захватить Екатеринодар. В случае успеха десанта

Врангель предполагал перенести базу армии из Крыма на Кубань. Однако население казачьих станиц, даже сочувствуя десанту, не оказало ему существенной поддержки, а многие повстанческие отряды, не желая поддерживать белых, не присоединились к нему. Потерпев поражение, десантная группа Улагая вернулась в Крым.

Между тем в занятых Русской армией районах сама жизнь заставляла крестьян каждый день сравнивать власть Врангеля с властью коммунистов, и, как признавали сами белые, «непрерываемое сравнение с большевиками... оказывалось не в ее пользу». В итоге в августе–сентябре в политических настроениях основной массы сельского населения произошел перелом: равнодушно-дружелюбное отношение к белым сменилось недовольством и враждебностью. Крестьяне открыто говорили белым: «Пусть уж лучше будут большевики, да одни. Так все как-нибудь образуется. А то на Расеи две власти – хуже того нет. Без вас у крестьянина, хоть и при большевиках, а все было: и кони, и коровы, и бараны. Теперь все перевелось. Когда еще снова наживем...»

Но поскольку враждебность к коммунистам еще не прошла, среди южнорусских крестьян, по оценке разведывательных органов Красной армии, стало широко распространяться «равнодушие к партийностям». Выше всех политических симпатий и антипатий в их сознании оказалось страстное желание «мира и порядка». Поэтому большинство из них, включая даже часть «кулаков», стало с нетерпением ждать прихода Красной армии как освободительницы, рассчитывая, что тогда установятся наконец столь желанные «мир и порядок».

* * *

При острой нехватке внутренних ресурсов, правительству Врангеля ничего не оставалось, как закупать вооружение, технику, боеприпасы, обмундирование и горюче-смазочные материалы за границей, для чего требовалась иностранная валюта.

Начатые в апреле закупки топлива в Константинополе и Батуме из временной меры превратились в единственный способ удовлетворения потребностей Русской армии в горюче-смазочных материалах. Уголь, нефть, бензин, керосин и смазочные масла на зафрахтованных судах ввозились в Крым Отделом горным и топлива Управления торговли и промышленности (Гортоп) и его контрагентами – русскими, английскими, американскими и французскими фирмами. Последние доставляли топливо за большие комиссионные и в обмен на разрешение скупать и экспортировать сырье, прежде всего зерно. При самостоятельных закупках Гортоп расплачивался иностранной валютой, полученной из казны или вырученной от реализации вывезенного сырья. Стремясь нажиться на нужде белых, иностранные фирмы в Константинополе и Батуме заключали сделки с агентами Гортопа через многочисленных посредников, вздувая цены до сверхспекулятивных.

Нужда в горюче-смазочных материалах была настолько острой, что Кривошеин санкционировал затраты на их приобретение в неограниченных размерах как валютой, так и зерном. С учетом затрат на доставку морем, пуд угля обходился режиму в пуд ячменя, пуд нефти – в 4–5 пуд. ячменя, пуд бензина – в 8 пуд. ячменя. За счет столь разорительного импорта удалось покрыть потребности в угле приблизительно на 30 %, в жидком топливе – на 50 %. Нехватка угля, нефти, бензина и масел

ограничивала действия флота и технических частей Русской армии, где нередко простаивали исправные танки, бронемашины и аэропланы.

В еще большей степени Русская армия зависела от помощи союзников в плане получения новой техники, вооружения и боеприпасов. В апреле–мае она снабжалась за счет остатков кредита в 14,5 млн ф. ст., предоставленного англичанами Деникину. Но Врангеля ультимативное условие этой помощи – не выходить из Крыма – никак не устраивало. И он обратил взор на Францию, предлагая «согласовать русские интересы с экономической заинтересованностью Франции в русских делах». Париж эту прозрачную формулу понял правильно, но выставил условие: «твердость политики демократических реформ» и «искренняя готовность действовать заодно с поляками».

Под «действием заодно с поляками» французы понимали нанесение Русской армией удара через Днепр на Правобережную Украину, в тыл советским войскам Юго-Западного фронта, сдерживавшим наступление армий Пилсудского. Для Врангеля, однако, чисто стратегические и материальные преимущества такой операции перечеркивались политическим проигрышем – потерей Украины, которую Пилсудский намеревался превратить в вассальное государство, прикрытое фасадом петлюровской Директории. С другой стороны, он прекрасно понимал, что его предварительное требование о возврате Украины в состав Российской империи после разгрома большевиков оттолкнет Францию и Польшу.

Поэтому Врангель предпочел оставить этот острый вопрос открытым и, выгодно использовав отвлечение сил Юго-Западного фронта на борьбу с поляками, занял только Северную Таврию и не перешел на правый берег Днепра. Французам свои действия он объяснил крайней необходимостью в первую очередь

использовать продовольственные ресурсы Северной Таврии. При этом он рассчитывал, что успех его армии смягчит позицию Великобритании и так или иначе стимулирует Францию к широкой материальной помощи. Однако он переоценил их готовность исполнить «союзнический долг».

Лондон отказался от открытой поддержки Врангеля, в успех которого на берегах Темзы уже никто не верил, и сделал главную ставку на опережение конкурентов в деле восстановления торговли с Россией. Были предприняты демонстративные меры по запрещению подвоза в Крым военного снаряжения на судах под английским флагом, сопровождаемые заявлениями Ллойд Джорджа в парламенте о прекращении поддержки «южнорусских белогвардейцев». Тем не менее английские торговые фирмы сохранили свободу рук в экспортно-импортных операциях с Крымом, а британское оккупационное командование в Турции в соответствии с директивой военного министра У. Черчилля содействовало продаже и перевозке в Крым военных материалов. Но по своим масштабам все это значительно уступало помощи, ранее оказывавшейся ВСЮР.

Париж, напротив, стал еще активнее настаивать на проведении Русской армией наступательных операций на Украине с целью непосредственной помощи армиям Пилсудского вплоть до образования единого фронта под командованием французского генерала.

В июне–июле между Севастополем и Парижем через Константинополь происходил интенсивный обмен посланиями. Врангель обещал подумать и просил срочно возобновить поставки. Французы не отказывались, но выставляли условие: немедленная оплата валютой и зерном. Наконец для оплаты поставок была выделена незначительная сумма в 11 млн фр.

Между тем валютный фонд правительства, насчитывавший в июне около 450 млн фр., сократился до 300 млн, а вывоз зерна больше обогащал спекулянтов, чем казну. Но положение на фронте не давало возможности думать об экономии. Тем более что предложений было хоть отбавляй. Державы Антанты стремились выгодно реализовать не только собственные излишние запасы, оставшиеся от мировой войны, но также оружие и боеприпасы немецкого и русского производства, захваченные в качества трофеев в Болгарии и Турции.

Закупки осуществлялись через посреднические иностранные фирмы, с которыми Управление снабжений заключало договора на поставку. Нередко командование оккупационных войск Великобритании, Франции и США отпуская военные материалы непосредственно со своих складов в Константинополе. Бронетехника, аэропланы, вооружение и боеприпасы покупались преимущественно во Франции и Великобритании, обмундирование – в Великобритании и США. Военные грузы доставлялись в крымские порты русскими, английскими, французскими, болгарскими, итальянскими и греческими судами большей частью из Константинополя, Варны, Констанцы, Марселя, Тулона. Учитывая массовые отказы докеров и моряков перевозить оружие для русских белогвардейцев, военные корабли Антанты охраняли погрузочные работы в портах отправления и сопровождали суда по пути в Крым.

Однако собственные закупки и небольшой кредит Франции никак не могли удовлетворить потребности Русской армии. Части испытывали хроническую нужду буквально во всем; снаряды и патроны экономились и выдавались в ограниченных количествах, как в мировую войну («Снаряды дороже людей...» – горько сетовали командиры частей).

Кардинально решить проблему снабжения мог только крупный займ в форме товарного кредита. Однако представители Врангеля во Франции и США попусту обивали пороги банков и правительственных учреждений, выпрашивая у французов 150–250 млн фр., а у американцев – 50 млн долл. под залог «различных видов государственных доходов и концессий на территории Русской армии». Но вкладывать деньги в заведомо проигрышное дело никто не спешил.

«Изнашивается оружие, иссякают огнеприпасы, приходят в негодность технические средства борьбы. Без них мы бессильны. Приобрести все это нет средств. Наше экономическое положение становится все более тяжелым. Хватит ли сил у нас дожидаться помощи, придет ли эта помощь и не потребуют ли за нее те, кто ее даст, слишком дорогую плату. На бескорыстную помощь мы рассчитывать не вправе. В политике Европы тщетно было бы искать высших моральных побуждений. Этой политикой руководит исключительно нажива», – признавал Врангель. Тем не менее, считая ошибкой Деникина «упорный отказ от использования для привлечения иностранного капитала громадных естественных богатств юга России», он готов был заплатить за «освобождение России от большевизма» и «слишком дорогую плату».

В начале августа, когда Красная армия погнала польские войска к Варшаве и Львову, в политике Франции заявило о себе одно из «высших моральных побуждений» – страх перед угрозой большевизма. 10 августа, чтобы укрепить положение Врангеля и решительно подтолкнуть его на выручку Пилсудского, Париж, сославшись на «демократический» характер проводимых в Крыму реформ, признал врангелевское Правительство юга России де-факто (это был единственный случай признания белого правительства

России западной державой). В Севастополе воспрянули духом, увидев в признании «возможность существенных облегчений в вопросах снабжения». Врангель информировал французскую военную миссию о готовности начать широкое наступление в Правобережную Украину. Начальник Управления внешних сношений П.Б. Струве и начальник Управления финансов М.В. Бернацкий в очередной раз заявили о готовности признать долги царского, Временного и деникинских правительств, о согласии покрывать военное снабжение экспортом сырья «из территорий уже занятых и предназначенных к занятию Русской армией».

В течение августа–октября Севастополь и Париж продолжали торговаться из-за условий займа. Наконец в середине октября правительство и финансовые круги Франции согласились отпустить предметы военного снабжения на сумму 100 млн фр., причем они включили сюда ранее выделенные 11 млн и 29 млн, которые были потрачены на снабжение Деникина. Условия были поставлены жесткие: продавать во Францию половину всех вывозимых с юга России хлеба, угля, шерсти, табака, кож, а половину вырученной суммы направлять на погашение займа, каковой погасить полностью не позже 31 декабря 1921 г. Причем все, что можно было закупить и доставить в Крым на 100 млн фр., составляло лишь 10 % военного имущества, запрошенного Врангелем у Франции. Остальные 90 % французы соглашались поставить лишь за немедленную уплату валютой.

Представители Врангеля в Париже сочли эти условия «обременительными». Но телеграмма Кривошеина положила конец их колебаниям: «Согласитесь на все условия, лишь бы получить возможность немедленно распорядиться кредитом в 100 000 000 франков. Без такого кредита положение становится безвыходным». Глава правительства не

преувеличивал: в октябре валютный фонд сократился до 150 млн фр., которых даже исключительно для снабжения Русской армии могло хватить лишь до января 1921 г.

Между тем поворот в настроении крестьянства, по мере расширения Русской армией занимаемой территории за счет Екатеринославской губернии, затронул и действовавшие там отряды Повстанческой армии Махно. Повстанцы и их командиры все громче требовали от Махно начать борьбу с врангелевцами. В октябре Махно окончательно отверг предложение Врангеля вместе бороться против коммунистов и заключил соглашение с советским командованием о совместных операциях против белых вплоть до освобождения Крыма.

Все это привело к разгрому Русской армии Врангеля армиями Южного фронта под командованием М.В. Фрунзе в Северной Таврии в октябре. При отступлении в Крым насильно мобилизованные крестьяне разбежались, бывшие пленные красноармейцы группами, убивая офицеров, перебежали к наступающим красным. В ноябре 1920 г. Крым был взят войсками Южного фронта при участии отрядов Повстанческой армии Махно. Остатки Русской армии и гражданских беженцев (до 150 тыс. человек) Врангель с помощью флота союзников сумел эвакуировать в Турцию. Для многих антибольшевиков именно Константинополь стал «воротами» в эмиграцию, в жизнь, полную лишений и унижений¹⁶.

* * *

Не менее успешно для большевиков развивались события на востоке России.

Не имея достаточных военных сил для занятия

Дальнего Востока и очищения его от японских войск и остатков колчаковских армий, а также увлекшись иллюзорными перспективами «советизации» Польши, правительство Ленина пошло на создание в апреле 1920 г. в качестве временного буферного государства между РСФСР и Японией Дальневосточной республики (ДВР), в руководстве которой ведущую роль играли большевики. В мае при поддержке РСФСР из забайкальских и амурских краснопартизанских отрядов, мелких колчаковских частей, перешедших на сторону Советов, и частей РККА была сформирована Народно-революционная армия (НРА) ДВР.

Осенью «каппелевцы» (остатки армий колчаковского Восточного фронта, которые с ноября 1919 по апрель 1920 гг. под командованием генерала В.О. Каппеля совершили «Великий Сибирский поход» от Омска до Читы; во время похода Каппель умер от воспаления легких) и «семеновцы» (войска атамана Г.М. Семенова), сведенные в Дальневосточную армию, под ударами НРА ДВР, местных партизанских отрядов и частей РККА из Забайкалья отступили в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

* * *

Шестой – завершающий – период Гражданской войны и Белого движения (декабрь 1920 – октябрь 1922 гг.) включает в себя, во-первых, наиболее острую и масштабную вооруженную борьбу между большевистской диктатурой и народным повстанческим движением, направленным против военного коммунизма и «комиссародержавия», во-вторых, завершение насильственной «советизации» Закавказья и Дальнего Востока, то есть утверждение большевистской власти

вооруженным путем почти на всей территории бывшей Российской империи, и, в-третьих, гибель Белого движения на востоке России.

Наибольшей остроты и размаха крестьянские восстания, перераставшие в относительно организованные повстанческие движения, достигли зимой 1920/1921 – весной 1921 гг. На Украине и юге России продолжали совершать рейды отряды Повстанческой армии Махно (до 30 тыс.), в Тамбовской губернии действовала крестьянская армия А.С. Антонова (до 50 тыс.), в Западной Сибири – крестьянская армия В.А. Родина (до 100 тыс.), а также отряды в казачьих областях Дона и Кубани. Большинство повстанцев составляли крестьяне и казаки, провоевавшие всю войну как в белых войсках, так и в Красной армии. За три месяца на охваченных восстаниями территориях повстанцами было убито более 10 тыс. коммунистов, чекистов, милиционеров и продработников. Почвой для столь массового и жестокого антибольшевистского движения стало предельно острое недовольство продразверсткой и теми жестокими мерами, которыми она осуществлялась. Военными и политическими руководителями повстанцев были, как правило, эсеры. Идеология повстанчества отрицала «диктатуру справа» (белых генералов) и «диктатуру слева» (большевиков) и была нацелена на поиски «третьего пути» (ни капитализм, ни коммунизм) и «истинного народоправства». Самыми популярными лозунгами повстанцев были: «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!», «За Советы без коммунистов!»¹⁷

Недовольство продразверсткой и сочувствие повстанцам глубоко проникло в массу красноармейцев из казаков и крестьян: нередкими были случаи, когда части отказывались воевать против повстанцев, называя их

«братьями». Троцкий и большевистская верхушка РККА отвечали на это жестокими репрессиями. Так, из-за опасений, что Ф.К. Миронов может стать вождем казачьего восстания на Дону, в конце января 1921 г. его сняли с должности командира 2-го конного корпуса (бывшей 2-й Конной армии) и вызвали в Москву якобы для назначения инспектором кавалерии РККА, а по пути он был арестован и доставлен в Бутырскую тюрьму, где в апреле его застрелил часовой.

Кульминацией антибольшевистского сопротивления стало восстание матросов Балтийского флота и рабочих ремонтных мастерских в Кронштадте в марте 1921 г., грозившее перекинуться на Петроград и с большим трудом подавленное войсками под командованием Тухачевского.

Эти события начала 1921 г. Ленин назвал самым острым кризисом большевистской власти. Он считал, что крестьянское повстанческое движение во главе с Махно, Антоновым и другими несло в себе гораздо большую опасность для диктатуры большевиков, чем армии Колчака, Деникина и Врангеля, поскольку последние не были поддержаны крестьянством. Надежду на удержание власти, по мнению Ленина, большевикам давало лишь то, что «история не научила» крестьян выступать по всей России одновременно.

На Дальнем Востоке военные действия затянулись из-за слабости НРА и присутствия японских войск.

В апреле 1921 г. части белой Дальневосточной армии были перевезены на территорию Приморья в качестве «вооруженного резерва милиции Приамурского государственного образования» (центр – Владивосток). В мае ее командование совершило переворот, в результате которого к власти пришло правительство братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых. Осенью части «вооруженного резерва милиции» вступили в бои с краснопартизанскими

отрядами, стремясь взять под контроль железную дорогу Владивосток–Хабаровск. Переименовав «вооруженный резерв милиции» в Белоповстанческую армию, ее командование в ноябре начало наступательную операцию на Хабаровск. Взяв в декабре 1921 г. Хабаровск, ее части попытались продвинуться к Благовещенску, но в феврале 1922 г. в районе станции Ин (разъезд Волочаевка) потерпели поражение от НРА, которой командовал В.К. Блюхер.

Сдав Хабаровск, Белоповстанческая армия откатилась под прикрытие японских войск в Спасский укрепрайон. Между тем представители Японии и РСФСР достигли соглашения о том, что к осени 1922 г. японские войска покинут Приморье. Перед эвакуацией японцы передали Спасский укрепрайон частям Земской рати (бывшей Белоповстанческой армии) под командованием генерала М.К. Дитерихса¹⁸. В октябре 1922 г. группа войск, созданная из частей РККА и НРА, под командованием И.П. Уборевича с большими потерями овладела Спасском и открыла путь на Владивосток, после чего Дитерихс эвакуировал остатки Земской рати из Владивостока через Корею в Китай.

* * *

Гражданская война, борьба на уничтожение между государственностью Белого движения и диктатурой большевиков, стоила России колоссальных потерь.

Народное хозяйство было в корне разрушено: промышленное производство упало до 20 %, сельскохозяйственное – до 50 % от уровня 1913 г. Прямым результатом политики военного коммунизма, продразверстки и запрета свободной торговли, стал голод, охвативший некоторые районы Советской России (особенно страшный – в Поволжье)¹⁹.

Общие людские потери составили, по разным подсчетам, от 10 до 12 млн; из них в боевых действиях погибло со всех сторон свыше 1 млн, жертвами красного и белого террора, а также бандитизма стали около 2 млн, умерло от ран, голода, холода и болезней 5–7 млн, до 2 млн эмигрировало. Эмиграция антибольшевиков породила уникальное образование – Зарубежную Россию, «Россию № 2», которая стала и опасным врагом России Советской²⁰, влиявшим на многие стороны ее жизни самым фактом своего существования, и своего рода базой для возрождения России.

Важнейшим итогом Гражданской войны явилось окончательное утверждение в России большевистской диктатуры и гибель государственных образований и политических сил, одни из которых представляли привилегированные социальные группы императорской России и боролись за ее реставрацию, соглашаясь лишь на некоторые демократические «уступки», другие – Россию демократическую, объективно выражающую интересы широких средних слоев города и деревни, прежде всего крестьянства.

Решающей причиной победы большевиков и распада, гибели белогвардейской государственности стал выбор, сделанный основной массой российского крестьянства. Это был выбор вынужденный и не окончательный, выбор не в пользу социализма по-большевистски, а против буржуазно-помещичьего и самодержавно-бюрократического строя по-русски. Отрицательно реагируя на насилие, несправедливость и утопичность в политике большевиков, крестьяне в конце концов были вынуждены примириться с ней, дабы избежать еще худшей альтернативы – возвращения помещиков. Но их интересы, традиции и психология мелких товаропроизводителей отторгали сами основы большевистской политики и идеологии. В 1920 г.

крестьяне жили надеждой, что с окончательным изгнанием белогвардейцев и помещиков в стране установятся мир, порядок и справедливость в их понимании: вслед за свободой распоряжаться землей они получат свободу распоряжаться продуктами своего труда.

Однако вынужденная готовность крестьян временно нести тяготы военного коммунизма ради победы над белыми была ошибочно истолкована большевиками как их восприимчивость к коммунистическим идеям, а с другой стороны – как доказательство эффективности массовой пропаганды «светлого коммунистического будущего» в сочетании с мерами принуждения и террора против колеблющихся и сопротивляющихся.

К концу Гражданской войны в РСФСР и союзных с ней советских республиках (или на части их территорий, контролируемой Красной армией) под давлением объективных экономических и военно-политических обстоятельств сложилась своего рода чрезвычайная военно-хозяйственная диктатура. Сама логика вооруженной борьбы в крестьянской стране с разрушенной экономикой и государственностью направила большевиков на путь создания однопартийного диктаторского режима, огосударствления и милитаризации экономики, насаждения военного коммунизма.

Исходя из утопических представлений о возможности непосредственного перехода от капитализма к социализму, большевики увидели в победах на хозяйственном и военном фронтах лучшее доказательство реальной возможности скачка в социализм при помощи военно-коммунистических, диктаторских методов. Несмотря на недовольство крестьян продрозверсткой, большинство коммунистов, в

том числе и Ленин, в 1920 г. были уверены, что крестьяне будут давать государству хлеб по разверстке и после войны, по крайней мере до полного восстановления промышленности и транспорта. Военно-коммунистические тенденции и диктаторские методы стали в 1920 г. главными теоретическими и практическими ориентирами для партии большевиков.

К 1921 г. в стране сложилась громоздкая партийно-государственная машина. Отождествление вынужденных военно-коммунистических методов управления экономикой и социальной сферой с «коммунистически организованным трудом и распределением» привело к тому, что создаваемое большевиками «государство диктатуры пролетариата» в крестьянской стране взяло на себя непомерно много в регулировании общественной жизни. В результате большевики вместо «диктатуры пролетариата» создали диктатуру неповоротливого военно-бюрократического партийно-государственного аппарата, неспособного оперативно реагировать на изменения социально-экономической и политической ситуации и исправлять собственные ошибки с минимальными потерями.

Военно-коммунистические деформации затронули как органы Советской власти, так и большевистские организации сверху донизу. В стране образовался мощный бюрократический слой, включивший в себя, с одной стороны, партийных работников и советских служащих, а с другой – старых чиновников дореволюционной закалки, которые спешно обзаводились партийными билетами. Этот слой быстро терял связи с народными массами, перенимал и воспроизводил худшие черты российской дореволюционной бюрократии, превращался в особую социальную силу, приобретал огромное влияние и возможность действовать в своих собственных

интересах, чаще всего чуждых и далеких от чаяний народа. Опыт Гражданской войны убедил этот слой в универсальности средств насилия и пропаганды в решении экономических, социальных, политических и идеологических проблем. Наконец, именно этот слой стал главной опорой большевистской диктатуры, подменив собой и подмяв под себя ростки «непосредственного участия трудящихся в управлении государством».

Этот новый правящий социальный слой в 1921 г. отказался от военного коммунизма только тогда, когда столкнулся с реальной угрозой крестьянской войны. Только почувствовав угрозу утраты власти, он перешел к новой экономической политике со значительным опозданием, что стоило стране огромных людских и хозяйственных потерь. Такой частичный возврат к рынку (то есть к капитализму, по понятиям большевиков) партийно-государственная бюрократия не могла считать не чем иным, как только «временным вынужденным отступлением» - даже вопреки мнению своего вождя, в конце жизни пришедшего к выводу, что нэп в России – «всерьез и надолго». Твердолобый марксизм и «чрезвычайные» управленческие навыки нового правящего слоя сами по себе обрекали нэп на скорую ликвидацию. Вместе с тем все это свидетельствовало, что большевистский режим с самого своего рождения начал терять способность к своевременному самореформированию.

Еще одним важнейшим итогом Гражданской войны стало фактическое образование военно-политического и военно-хозяйственного союза советских республик во главе с РСФСР и политическим центром в Москве. Двигателем этого процесса было отнюдь не стремление трудящихся разных национальностей, веками живших в одном государстве и связанных тесными

экономическими и культурными узами, объединиться в «братскую семью» для защиты от внутренних и внешних врагов, а усилия партии большевиков, ставшей монополюбно правящей во всех советских республиках как в результате внутренних революционных процессов, так и в результате «экспорта революции» силами объединенной РККА. Создание такого союза в границах если не всей, то хотя бы большей части бывшей Российской империи рассматривалось большевиками в качестве важнейшего условия выживания их диктатуры по мере того, как жизнь разрушала их иллюзорные надежды на скорую международную социалистическую революцию и помощь пролетариата развитых стран Запада.

Наконец, Гражданская война и интервенция сформировали у большевиков основные тактические приемы внешней политики, важнейшими из которых стали: игра на экономических и политических противоречиях капиталистических стран, использование торговли в качестве «пряника» и Красной армии в качестве «кнута» в отношениях с соседями, дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в других странах через нелегальные структуры Коминтерна, а также путем политико-экономического давления и пропаганды, социальных конфликтов и кризисов, создающих условия для вооруженного «экспорта революции». Такое «мирное сосуществование», по сути, было не чем иным, как выжиданием нового кризиса западной цивилизации и подготовкой к вооруженному столкновению с ней. В ходе будущего столкновения, которое большевики считали неизбежным, надлежало решить задачу, не решенную в 1918–1920 гг.: завершить «советизацию» всей территории бывшей империи и начать «советизацию» Центральной и Западной Европы.

Короткая история Белого движения подвела итог России, погибшей в феврале 1917 г., по сути итог дофевральской российской государственности, поскольку государственность Белого движения была ее прямым продолжением.

В белом тылу получили ускоренное и полное завершение те экономические, социальные, политические и духовные процессы, которые привели Российскую империю к революционному кризису 1917 г. Поэтому борьба белых армий закономерно завершилась их поражением. Тем не менее Белое движение, опираясь на неустойчивую поддержку средних слоев и половинчатую помощь союзников, своим отчаянным сопротивлением затянуло Гражданскую войну в центре России на три года, а на востоке страны – на пять. И в исторической перспективе Белое движение отнюдь не потерпело полного поражения. Ибо, подавляя его отчаянное вооруженное сопротивление, большевистская власть в России сумела победить и окончательно утвердиться только ценой перерождения из «пролетарской демократии» в диктатуру руководящих партийно-государственных бюрократических структур, что решающим образом предопределило ее последующую трансформацию в обреченный на гибель тоталитарный режим.

Примечания

---

¹ *Калугин Ю.Г.* Пятая книга «Тихого Дона» // Новый исторический вестник. 2009. № 2(20). С. 93–96.

² *Рынков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 104–196; *Ипполитов С.С.* Финансовая интервенция против России // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 22–38; *Алексеев А.Г.* Документы Министерства финансов правительства А.В. Колчака как источник по истории экономической политики белых властей Сибири // Новый исторический вестник.

2002. № 1(6). С. 75–86; *Черниченко М.Ю.* Белая пресса как источник для изучения экономической жизни в тылу ВСЮР (1919 г.) // *Новый исторический вестник*. 2006. № 1(14). С. 108–117; *Черниченко М.Ю.* [Рец.] *Рынков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.) // *Новый исторический вестник*. 2007. № 1(15). С. 272–273.

³ *Минаев В.В.* Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы Гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // *Новый исторический вестник*. 2001. № 1(3). С. 6–22; *Алексеев А.Г.* Периодическая печать как источник по истории экономической политики антибольшевистских правительств Сибири // *Новый исторический вестник*. 2007. № 2(7). С. 62–71; *Черниченко М.Ю.* Белая пресса как источник для изучения экономической жизни в тылу ВСЮР (1919 г.) // *Новый исторический вестник*. 2006. № 1(14). С. 108–117.

⁴ *Цветков В.Ж.* Продовольственная политика денкинского правительства // *Вопросы истории*. 2004. № 5. С. 112–127.

⁵ *Цветков В.Ж.* Аграрно-крестьянская политика Белого движения в России (1917 – 1920 гг.) // *Новый исторический вестник*. 2007. № 1(15). С. 116–130.

⁶ *Корнева Е.А.* Контрразведка А.В.Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск // *Новый исторический вестник*. 2000. № 1. С. 63–77; *Бутаков Я.А.* Русские националисты и Белое движение на юге России в 1919 г. // *Новый исторический вестник*. 2002. № 2(7). С. 5–28; *Молчанов Л.А.* Белая Сибирь: деятельность информационно-агитационных учреждений (1918 – 1920 гг.) // *Новый исторический вестник*. 2011. № 3(29). С. 43–57.

⁷ *Мишина А.В.* Н.А. Григорьев – атаман повстанцев Херсонщины // *Новый исторический вестник*. 2007. № 1(15). С. 144–154.

⁸ *Дробышевский Д.В.* Женщины в махновском движении // *Новый исторический вестник*. 2007. № 1(15). С. 154–159; *Зимина В.Д.* Еще одна «вишневая косточка» Гражданской войны, или «новые» мифы о «старых» героях // *Новый исторический вестник*. 2007. № 1(15). С. 261–262.

⁹ *Цветков В.Ж.* Николай Николаевич Юденич // *Вопросы истории*. 2002. № 9. С. 37–60.

¹⁰ *Машко В.В.* Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883 – 1940) // *Новый исторический вестник*. 2002. № 2(7). С. 97–112.

---

¹¹ Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919 – 1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007. С. 78–121, 208–240.

¹² Калугин Ю.Г. Тайна расстрела Думенко: признания бежавшего из могилы // Новый исторический вестник. 2008. № 2(18). С. 124–134; Крушельницкий А.В. [Рец.] Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2006 // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 254–257.

¹³ Цветков В.Ж. Петр Николаевич Врангель // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 54–81; Карпенко С.В. Врангель Петр Николаевич (1978 – 1928) // Новый исторический вестник. 2001. № 1(3). С. 219–231; Цветков В.Ж. Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... М., 2003. С. 439–485.

¹⁴ Карпенко С.В. Судьба «Записок» генерала Врангеля // Новый Журнал (Нью-Йорк). 1997. № 207. С. 213–232; Голубева И.И. Драма восхождения в пропасть (о романе-хронике С. Карпенко «Последний главком») // Филологический журнал. 2006. № 1(2). С. 195–198.

¹⁵ Цветков В.Ж. Аграрно-крестьянская политика Белого движения в России (1917 – 1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 116–130; Цветков В.Ж. Земская реформа правительства генерала П.Н. Врангеля (июнь – октябрь 1920 г.) // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 198–205.

¹⁶ Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов (численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 75–85.

¹⁷ Калугин Ю.Г. Комбриг Маслак: «Ухожу на Дон с обиженным знаменем» // Новый исторический вестник. 2009. № 3(21). С. 96–102; Машко В.В. Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883 – 1940) // Новый исторический вестник. 2002. № 2(7). С. 97–112.

¹⁸ Цветков В.Ж. Генерал Дитерихс, последний защитник Империи // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 9–86.

¹⁹ Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919 – 1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007. С. 305–392; Поляков В.А. Комиссия М.И. Калинина: из истории государственной помощи голодающим (1921 г.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2(16). С. 119–133; Бадмаева Е.Н.

Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 4(26). С. 47–51.

²⁰ *Егоров Н.Д.* Разведка Красной армии против белой эмиграции (20-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1(3). С. 23–42.